

(ПП: Это устойчивое выражение в китайском языке, которое означает: «Пусть подумает, когда поймёт, тогда и поговорим», но с оттенком: «ты тупой, тебе надо долго думать».)

— Что с тобой такое?! Кто позволил тебе встать? Катись обратно!

Раздался звонкий треск: белый фарфоровый нефритовый кувшин с золотой каймой с силой разбился о голову ребёнка, съёжившегося в углу, и в тот же миг кровь хлынула ручьём.

Кровь, смешавшись с осколками фарфора, упала на пол, и снова послышался тонкий дробный звон. Ребёнку было больно, но он не смел вскрикнуть. Он насильно подавил голос, всё тело его непрерывно дрожало, босые ступни тёрлись одна о другую.

Этот его испуганный и слабый вид вызвал у стоявшей перед ним женщины приступы смеха.

— Лицо у тебя, надо сказать, довольно белое...

Женщина была одета в роскошные одежды, и когда улыбалась, казалась чарующей и пленительной; если не смотреть на свирепую улыбку на её лице, её и правда можно было назвать заготовкой для красавицы, способной затмить страну и небеса.

Она сделала к ребёнку несколько шагов и с хищной усмешкой сказала:

— Но ещё недостаточно белое. Недостаточно, недостаточно! Люди!

Позади вышел один слуга, но ещё до того, как он успел заговорить, женщина взмахнула широким рукавом, вся в предвкушении:

— Принесите ведро воды.

Услышав это, слуга чуть повернулся и поднял руку назад. Люди один за другим вошли внутрь - очевидно, всё уже было подготовлено.

Несколько человек внесли большой деревянный чан и тяжело поставили его на пол. В солнечном свете было видно, как мелкая пыль на земле взметнулась и поплыла в воздухе. Чан принесли, и уже без всяких приказов несколько слуг вытащили ребёнка из угла на солнечный свет. Несколько рук схватили его за голову и силой стали прижимать к воде.

Прозрачная вода в одно мгновение окрасилась красным, а потом снова разошлась бледными разводами. Ребёнок не сопротивлялся; только когда начинал задыхаться, он изо всех сил пытался вырваться. Увидев это, слуги поднимали его голову, давая ему на миг вдохнуть. Один глоток воздуха, смешанного с пылью, входил в рот - и его снова вдавливали в воду.

После нескольких раз лицо ребёнка, как и желали, побелело, побелело до жути. Увидев это совершенно бескровное лицо, женщина вдруг застыла со своей искривлённой улыбкой, а затем запаниковала. Она словно поняла, что натворила что-то дурное: бросилась вперёд, оттолкнула слуг, опустилась на колени перед ребёнком, погладила его лицо и с болью сказала:

— Что случилось? Почему ты такой белый? Неужели заболел? Ты заболел, да? А? А?

— Ах! Заболел! Позвать... нет, не звать, не звать. Лекарь не вылечит твою болезнь...

Говоря, женщина снова пришла в возбуждение:

— Не больно, не больно, послушный... мама здесь...

Рука, гладившая лицо, переместилась на голову и с силой стала тереть рану. Голова, которую вода только что смыла начисто, снова покрылась кровью.

Ребёнок в её объятиях дрожал, словно решето, и она снова начала злиться:

— Ребёнок заболел, как отец может не быть рядом!

Ненависть в её голосе будто хотела разорвать открытую перед глазами рану. Когда эта ненависть уже почти поглотила её, она вдруг очнулась, посмотрела на ребёнка и улыбнулась мягко:

— Твой отец занят. Если ты заболел, нельзя винить твоего папу. Ты ведь соскучился по нему? Мама сейчас пойдёт и позовёт его! Ах! Позовёт! Ха-ха-ха-ха...

Говоря это, она быстро поднялась с пола и, не обращая внимания на то, что ребёнок всё ещё ранен, потащила его к кровати, а потом небрежно толкнула, и ребёнок упал на постель.

Она стояла у кровати, словно любящая мать, и говорила:

— Будь послушным, больше не вставай. Твоя болезнь ещё не прошла. Если не будешь послушно лечиться, твой папа станет меня винить...

Она подняла руку, поправила роскошный венец, раскинула рукава и на месте сделала несколько кругов, улыбаясь и спрашивая слуг рядом:

— Я красивая?

Такой вопрос будто делал её неуверенной.

Она фыркнула и снова сказала:

— Под небом нет никого красивее меня!

Сказав это, она надела на лицо кроткую улыбку, приняла благородную осанку и медленно вышла.

Слуги давно привыкли к подобному. Такие дела они делали уже много раз, поэтому руки и ноги у них работали проворно: они подняли чан с водой и один за другим вышли. В просторной комнате остался только ребёнок, свернувшийся среди слоёв марлевых занавесей; плач, который он долго сдерживал, понемногу вытекал наружу.

*

— Сюй Гуань, проснись, проснись? — Чжоу Сяолэ поднял руку и легонько похлопал Сюй Гуаня по плечу.

Посреди сна Чжоу Сяолэ разбудила дрожь. Сначала он ещё не понял, что случилось, пока рядом снова не прошла волна дрожи, и только тогда он обнаружил: это дрожит Сюй Гуань.

Похоже, ему приснился кошмар, и Чжоу Сяолэ поспешил разбудить его. Сюй Гуань, свернувшийся и весь напряжённый, резко открыл глаза, словно выброшенная на сушу рыба, и глубоко вдохнул. Сквозь смуту сна он увидел перед собой бесконечно встревоженного Чжоу Сяолэ, и только тогда медленно выдохнул. Он поднял руку и коснулся собственного лица.

Вся ладонь была мокрой.

— Что случилось? Кошмар приснился? — спросил Чжоу Сяолэ.

Сюй Гуань явно ещё не до конца проснулся, голос у него был хриплым:

— М-м... кажется, да.

Вид у него был такой, будто он и сам не помнит, что видел во сне. Чжоу Сяолэ протянул руку, похлопал его по предплечью и мягко сказал:

— Ничего, ничего. Это всего лишь сон. Сны всегда наоборот.

— Угу.

Спустя немного времени Сюй Гуань тихо сказал:

— Прости, я разбудил тебя.

В темноте Чжоу Сяолэ покачал головой, но, подумав, что Сюй Гуань может не увидеть его движения, снова заговорил:

— Ничего страшного, не надо извиняться... Ты в порядке?

— Всё хорошо, — сказал Сюй Гуань один раз, а потом повторил: — Со мной всё хорошо.

— ...Ты часто видишь кошмары?

Чжоу Сяолэ не мог разглядеть выражение лица Сюй Гуаня и мог только по его тону догадываться, что тот, возможно, всё ещё не вышел из чувства, оставленного кошмаром.

— Нет... — сказал Сюй Гуань. — Я редко вижу кошмары. И что именно мне только что снилось, я уже не слишком помню...

Он провёл рукой по лицу и наконец немного пришёл в себя. Только что это был не просто кошмар, он... Это ощущение было очень мучительным. Он изо всех сил подталкивал тело, не смея расслабиться: стоило расслабиться, как по всему телу прокатывалось чувство давящего гнёта. Это нельзя было назвать болью, скорее мутное, дурное страдание, от которого сознание словно блуждало на грани.

Будто думаешь, что уже проснулся, но перед глазами вдруг мелькает множество чёрных теней, и только тогда понимаешь: это лишь один слой кошмара разбился, а позади ещё ждут несколько новых слоёв. Неизвестно, сколько он боролся в этом состоянии, и только когда Чжоу Сяолэ разбудил его, наконец смог вырваться. Но чем сильнее он пытался вспомнить, тем меньше мог вспомнить.

Со стороны Сюй Гуаня больше не доносилось ни звука. Чжоу Сяолэ знал, что тот ещё не спит. Возможно, разговор перед сном напомнил ему о прежних делах?

Чжоу Сяолэ не был уверен, связаны ли эти вещи между собой. Он поднял руку, похлопал его по предплечью и лёгким тоном сказал:

— Если ты человек, которому нет прощения, я непременно отведу тебя к чиновникам. Так что не беспокойся.

Сюй Гуань на миг замер, а потом тихо рассмеялся:

— Угу.

Возможно, утешение Чжоу Сяолэ подействовало. Во второй половине ночи Сюй Гуань больше не видел снов и спал спокойно.

На следующий день лоток ставить было не нужно, но Чжоу Сяолэ всё равно разбудили собственные привычные часы. В час Мао небо ещё не было по-настоящему светлым. Он повернул голову и увидел, что место рядом на кровати пусто. Он думал, что проснулся уже довольно рано, но не ожидал, что Сюй Гуань поднялся ещё раньше. Чжоу Сяолэ обнял красное свадебное одеяло и ещё подремал четверть часа, прежде чем встать.

Открыв дверь, он увидел, что Сюй Гуань во дворе отрабатывает кулачные приёмы. Движения были чистыми и чёткими, немного похожими на тайцзи: мягкая сила в начале, жёсткий удар в атаке. Чжоу Сяолэ приподнял бровь и, прислонившись к дверному косяку, некоторое время смотрел. Сюй Гуань, стоявший против утреннего света, сменил комплекс. В прежних движениях каждый удар был полон силы, и, вероятно, немало среди них было смертельных приёмов. А теперь движения больше походили на показательные: между пустым и настоящим была мера, ритм то ускорялся, то замедлялся.

В это время из гор во двор случайно залетела бабочка. Она покружила вокруг Сюй Гуаня, немного посидела на каменном столе, а затем вдруг раскрыла крылья и полетела к нему, следуя траектории его ладоней. Внезапно присоединившаяся маленькая бабочка будто совсем не боялась, что её случайно заденут: куда двигалась ладонь Сюй Гуаня, туда летела и она. В этот миг Сюй Гуань отклонился назад, обеими руками очертил полукруг, а тело следом взвилось, сделало оборот и ровно опустилось на землю.

Маленькая бабочка тоже, следуя его движению, описала круг и наконец опустилась ему на плечо. Она медленно взмахнула крыльями несколько раз, а затем вспорхнула, вылетела из двора и отправилась догонять утренний свет.

Рассвет ясно высветил тонкий пот на лбу Сюй Гуаня. Чжоу Сяолэ смотрел, как тот неторопливо вытерся тканевым полотенцем, стирая блестящие капли.

Чжоу Сяолэ поднял большой палец и с улыбкой сказал:

— Красиво.

Искренняя похвала Чжоу Сяолэ заставила Сюй Гуаня покраснеть. Он смущённо ответил:

— Всего лишь красивые, но бесполезные движения. Я плохо выучился.

Чжоу Сяолэ поднял руки, потянулся и широко зевнул:

— Во всяком случае, заставь меня каждый день заниматься кулачным искусством - я точно не смогу.

После свадьбы особых дел у них не было, разве что подготовить вещи, которые понадобятся через три дня для возвращения в родной дом. Но всё происходило в одной деревне, так что это тоже не считалось чем-то срочным.

Право выходить к лотку с чанфэнем Чжоу Чуся у него тоже отнял, его аргументом было: «Как это будет выглядеть, если на второй день после свадьбы ты пойдёшь ставить лоток?» Поэтому в эти дни делами лотка занимался Чжоу Чуся.

— Ты сегодня утром будешь готовить корм для свиней или кормить их свиной травой?

Сегодняшний завтрак состоял из маньтоу и булочек, приготовленных к свадьбе. Чжоу Сяолэ откусил кусок - оказалось довольно вкусно.

— Буду готовить корм. Свиной травы осталось немного, позже её принесут.

— Хорошо, тогда потом вместе. У меня всё равно нет никаких дел.

Они вдвоём быстро разделались с завтраком. Сюй Гуань взял с собой остатки и объедки от вчерашнего свадебного пира и повёл Чжоу Сяолэ к свинарнику.

Ещё до того, как строить дом, Сюй Гуань уже решил, что будет держать свиней, поэтому специально рядом со свинарником поставил маленькую комнатку для варки свиного корма, чтобы отделить это место от кухни, где он обычно готовил для себя. К свинарнику проходили через задний двор: подняться на небольшой склон - и он уже там. От дома было не слишком далеко, но и не слишком близко, как раз на таком расстоянии, чтобы запах не доносился.

Готовить свиной корм было нетрудно. В конце концов, это еда для поросят, тут не требовалось, чтобы и цвет, и аромат, и вкус были превосходны.

Свинарник был немаленьким. Если посчитать внимательно, там было около тридцати голов, и все - маленькие поросята. Чжоу Сяолэ сначала думал, что увидит одного за другим пухлых поросят, но, окинув взглядом, заметил: большинство были худоваты. А посмотрев ещё раз, не увидел ни одной взрослой свиноматки или хряка.

Неужели все поросята куплены?

— Эти твои поросята... все купленные?

Сюй Гуань как раз накладывал корм в корыто. Услышав вопрос, он поднял голову и посмотрел на него:

— Да. Что-то не так?

— Покупать маленьких поросят само по себе не страшно, просто ты не держишь свиноматок и хряков для разведения? Если вырастить поросят, продать, а потом снова покупать молодняк, расходы ведь будут немалые? — спросил Чжоу Сяолэ.

— Когда я ездил покупать поросят, тот дядя, что продавал свиней, посоветовал мне лучше взять поросят, вот я и купил...

— Вот как... — Чжоу Сяолэ снова спросил: — А когда ты их купил, эти поросята уже были такими худыми?

Движение Сюй Гуаня, раскладывавшего корм, замедлилось. Он, запинаясь, сказал:

— ...Не-нет... когда привёз, они ещё были пухлые... Может, просто от свиньи-мамы отлучили, вот они и похудели немного... Подождём, пока они сами всё обдумают, и станет лучше.

— ...

Обдумают? Ждать, пока свиньи поймут, что в этой жизни уже не смогут вернуться в родное гнездо, спрячут тоску по дому глубоко в сердце, а потом превратят эту тоску в аппетит?

Раньше Сюй Гуань говорил, что живёт тем, что разводит свиней. Теперь, посмотрев, Чжоу Сяолэ понял: пожалуй, на самом деле он живёт охотой. А разведение свиней... возможно, просто увлечение.

<http://bllate.org/book/17639/1741281>